

Филология: научные исследования

Правильная ссылка на статью:

Чэнь К. Особенности комического в ремарках пьес А. П. Чехова // Филология: научные исследования. 2025. № 10. DOI: 10.7256/2454-0749.2025.10.76034 EDN: DBXEWK URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=76034

Особенности комического в ремарках пьес А. П. Чехова

Чэнь Каньюй

ORCID: 0009-0008-7801-1259

соискатель; Филологический факультет; Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова

000000, Китай, Гуандун область, г. Гуанчжоу, ул. Лиганлу, 6, кв. 1407

✉ hkoch24@outlook.com

[Статья из рубрики "Литературоведение"](#)

DOI:

10.7256/2454-0749.2025.10.76034

EDN:

DBXEWK

Дата направления статьи в редакцию:

27-09-2025

Аннотация: Настоящее исследование посвящено комплексному анализу функций и художественной специфики ремарок в драматургии А.П. Чехова. Основное внимание уделяется роли ремарок как инструмента создания комического эффекта и выражения авторской иронии. На материале ключевых пьес писателя («Чайка», «Дядя Ваня», «Вишнёвый сад») исследуется, как через сценические указания Чехов раскрывает противоречие между иллюзиями персонажей и объективной реальностью. Особый акцент делается на новаторских приёмах: использовании глаголов совершенного вида прошедшего времени (например, «оба улыбнулись»), создающих эффект завершённости и обречённости; карнавальных элементах, трансформирующих трагические ситуации в комические; а также несценических ремарках, обращённых к читателю. Исследование показывает, как ремарки становятся средством скрытого авторского комментария, сочетающего объективность драматурга с субъективностью писателя. В работе применяются сравнительный анализ текстов, интертекстуальный подход и контекстуальное изучение ремарок. Методы включают детальный разбор конкретных примеров из пьес, а также привлечение критической литературы для интерпретации

авторских приёмов. Научная новизна исследования заключается в комплексном подходе к анализу ремарок как ключевого средства выражения авторской иронии и комического в драматургии Чехова. Впервые подробно исследуется использование глаголов прошедшего времени в ремарках, что создаёт эффект завершённости и подчёркивает обречённость персонажей. Кроме того, работа раскрывает связь между карнавальными элементами и жанровым определением пьес, демонстрируя, как Чехов сочетает комическое с глубоким психологизмом. Проведённый анализ подтверждает, что ремарки в пьесах Чехова являются не только техническим элементом, но и важным инструментом выражения авторской позиции. Они раскрывают иронию автора по отношению к персонажам, подчёркивая разрыв между их иллюзиями и реальностью. В «Дяде Ване» ремарки способствуют духовному катарсису героев, тогда как в «Вишнёвом саду» они усиливают карнавальный смех, который маскирует трагизм ситуации. Таким образом, чеховские ремарки становятся мостом между эпической и драматической формами, позволяя автору сохранять объективность, одновременно выражая своё отношение к героям.

Ключевые слова:

А.П. Чехов, драматургия, ремарка, авторская позиция, комедия, комическое, ирония, Чайка, Дядя Ваня, Вишневый сад

А.П. Чудаков в своих работах показал, что творческая эволюция Чехова-прозаика шла по пути от субъективности к объективной манере повествования [1]. Таково и развитие драматургического творчества Чехова и его переход от прозы к драматургии. С.М. Романенко, анализируя переход писателя к драматургии, подчеркивает «его стремление к максимальной объективности» [2, с. 28], утверждая, что «автор, словно «сводник» (М. Бахтин), сближает героев и зрителей, позволяет им наблюдать, решать, но сам остается в стороне. Он рассчитывает на понимание своего произведения, он уважает ум и душу своего зрителя. Зритель или читатель должны понять позицию автора и тоже посмотреть на героев со стороны» [2, с. 32].

Названная особенная объективная авторская позиция позволяет адресату произведения ощущать внутреннее психологическое переживание персонажей. А стремление автора к объективному изображению персонажей приводит к особенной форме создания комического эффекта в драматургических произведениях – объективная ирония жизни, выражаемая противоречием между мечтой героев и настоящей реальностью, что является одной из специфик комического драматургии Чехова.

«Оставаясь в стороне», Чехов предоставляет персонажам свободу развивать свой эпизод без вмешательства автора, и дает адресату свободу понимать драмы. Однако, «отсутствие автора» не столько считается как особенностью драматургии Чехова, сколько представляет собой жанровую специфику драмы как литературного рода, ведь еще с античности в драме доминирует не слово автора, как в прозе, а реплики действующих лиц. «Ирония жизни» как общая тема литературного произведения уже встретилась в трагедии Софокла «Царь Эдип» в IV веке до н.э. Крах жизни, веры и мечты, смерть человека – все элементы «Царя Эдип», присущие трагедии – существуют в больших драмах Чехова, особенно в его комедиях.

Стремясь к объективности, Чехов не полностью убирает «автора» из драмы, а выражает свою позицию в более скрытой форме, в ремарках. В третий период творчества Чехов

усиливает драматизацию в прозе и прозаизацию в драматургии. Этот синтез эпического и драматического начал открывает путь к новой форме выражения авторской позиции и создания комического эффекта. Наиболее ярким примером можно считать ремарки в пьесы. А среди ремарок пьесы наиболее ярким примером можно назвать несценические ремарки, написанные в форме эпосе и адресованные не зрителю, а читателю.

Наиболее интересны новаторские ремарки, где действия персонажей описываются глаголами совершенного вида прошедшего времени вместо привычных глаголов несовершенного вида настоящего времени. Яркий пример такой ремарки можно найти во втором действии комедии «Чайка»:

«Нина. <...> Если бы я была таким писателем, как вы, то я отдала бы толпе всю свою жизнь, но сознавала бы, что счастье ее только в том, чтобы возвышаться до меня, и она возила бы меня на колеснице.

Тригорин. Ну, на колеснице... Агамемнон я, что ли?

Оба улыбнулись» [\[3, с. 31\]](#)

Использование глаголов совершенного вида прошедшего времени в ремарке создает особый временной эффект: событие произошло, но уже завершилось. В рассматриваемой сцене Нина сначала выражает искреннее восхищение Тригориным как писателем, однако когда тот признается в своем равнодушии к собственному творчеству, девушка «отказывается понимать» его. Различие из взглядов на писательский труд и славу становится очевидным, и лишь шутливая реплика Тригорина о «колеснице» вызывает у них обоих улыбку – этот момент, безусловно, будет виден зрителю на сцене.

Совместная улыбка столь разных персонажей свидетельствует о возникшем между ними взаимопонимании, что отражает авторское одобрение зарождающихся романтических чувств. Однако выбор глагольной формы принципиально меняет восприятие этой сцены: ремарка фиксирует не текущее или будущее действие, а событие, оставшееся в прошлом. Как четко отмечает Ю.В. Доманский, «грамматически эта ремарка решена таким образом, что весь позитив, заложенный в ней, оказался унесен в прошлое и лишён шанса реализоваться сейчас или же в грядущем» [\[4, с. 47\]](#), – таким образом, даже в момент зарождения отношений Чехов тонко иронически намекает на их обреченность.

Таким образом, данная ремарка выполняет двойную функцию: с одной стороны, она отражает авторскую симпатию к зарождающемуся чувству между героями, с другой – содержит тонкий намёк на его будущую нереализованность. Трагическая судьба Нины может интерпретироваться как проявление объективной иронии жизни, однако предвосхищение этого в ремарке второго действия скорее свидетельствует об ироничной авторской позиции по отношению к данной любовной линии.

Такая скрытая авторская ирония тоже может встречаться в пьесе «Дядя Ваня»: «Комната Ивана Петровича; <...> Стол поменьше для Астрова; <...> На стене висит карта Африки, видимо, никому здесь не нужная» [\[3, с. 105\]](#). Эта деталь получает развитие в реплике Астрова: «(Подходит к карте Африки и смотрит на нее.) А, должно быть, в этой самой Африке теперь жарища – страшное дело!» [\[3, с. 114\]](#).

Образ Африки в пьесе выполняет несколько важных функций. Во-первых, он создаёт географический контраст: пока персонажи пьют воду в усадьбе, в далёкой Африке, по словам Астрова, «жарища – страшное дело!». Этот контраст подчёркивает различие

проблем: если африканцы страдают от нехватки материальных ресурсов, то Астров и Войницкий мучаются экзистенциальными вопросами о смысле жизни.

Во-вторых, карта Африки в пьесе выполняет важную символическую функцию. Хотя она «не нужна никому» [3, с. 105], для Войницкого она становится своеобразным символом утраченных иллюзий – прежде всего, его слепого преклонения перед профессором Серебряковым. Духовный бунт Войницкого, несмотря на его трагическую окраску, приносит ему своеобразный катарсис, позволяя начать новую жизнь, хотя и с тяжёлым душевным грузом.

Особую глубину этому образу придаёт реплика Астрова, которую можно рассматривать как авторскую ремарку, обращённую к самому персонажу: «Ты не сумасшедший, а просто чудак. Шут гороховый. Прежде я всякого чудака считал больным, ненормальным, а теперь я такого мнения, что нормальное состояние человека – это быть чудаком. Ты вполне нормален» [3, с. 107].

Однако финальная реплика Астрова звучит более безнадёжной: «Какая еще там новая жизнь! Наше положение, твое и мое, безнадежно» [3, с. 108]. Эта фраза становится своеобразным эпиграфом к духовному состоянию чеховских героев, подчёркивая глубину их экзистенциального отчаяния. Но это отнюдь не означает, что положение героев действительно безнадежно.

Первые три действия действительно демонстрируют нам персонажей, которые, по меткому замечанию В.Б. Катаева, «абсолютизируют свою "правду" (свой временный взгляд на вещи, свое ложное представление), не будучи в состоянии понять и принять "правду" другого» [5, с. 270]. В этом отношении и Астров, и Войницкий действительно выглядят комично. Однако кульминация третьего акта и четвертое действие показывают их преображение – они становятся героями особой комедии, близкой по духу не сатирическому осмеянию, а возвышенной «Божественной комедии» Данте. Пережив страдания и разочарования, оба персонажа восстают против пошлости и обмана: Войницкий бунтует против профессора; Астров отвергает праздность, воплощенную в Елене Андреевне и профессоре:

«Астров. Оба – он и вы – заразили всех нас вашею праздностью. Я увлекся, целый месяц ничего не делал, а в это время люди болели, в лесах моих, лесных порослях, мужики пасли свой скот... <...> но все же... странно, и я убежден, что если бы вы остались, то опустошение произошло бы громадное. <...> Ну, уезжайте. Finita la commedia!» [3, с. 110].

Способность к осознанному отказу – редкое качество для чеховских персонажей (чаще они выбирают бегство). Ведь отказ всегда требует жертв, сопровождается душевными муками и требует поиска новых путей. В этом контексте «карта Африки, которая никому не нужная» в комнате Войницкого приобретает новый смысл – она символизирует Елену Андреевну и профессора Серебрякова, ставших лишними в этом дом. А «страшное дело», о котором говорит Астров, может относиться не только к африканской жаре, но и к разрушительной праздности профессорской четы.

Таким образом, анализируемые ремарки, содержащие авторскую оценку, позволяют раскрывать уникальную особенность комического в чеховской драматургии: с одной стороны, Чехов иронически показывает комичность персонажа, который обманывает себя иллюзией жизни, с другой стороны, после того, как героям оказалось реальность жизни, драматург дает им возможность к возрождению, к духовному катарсису. Такая

счастливая комичность характерна только для Дяди Вани, который прошел процесс «казалось» – «оказалось» – «возражение».

И наконец, в ремарках можно также встречаться с явным ироническим отношением автора к персонажам. Наиболее ярким примером можно считать описание из III действия «Вишневого сада»: «Начальник станции останавливается среди залы и читает «Грешницу» А. Толстого. Его слушают, но едва он прочел несколько строк, как из передней доносятся звуки вальса, и чтение обрывается. Все танцуют. Проходят из передней Трофимов, Аня, Варя и Любовь Андреевна» [\[3, с. 235\]](#).

Связь между Раневской и темой греха очевидна. Как отмечает Б. Зингерман: «у владелицы Вишневого сада есть грехи. Те, в которых она каётся, и те, в которых мог упрекнуть ее Петя Трофимов. <...> За грехи она должна понести наказание» [\[6, с. 337\]](#); Н.И. Ищук-Фадеев добавляет: «Решительное нежелание Раневской спасать то, что надо еще искупить, – свидетельство ее твердой и сознательной позиции грешницы, ищей веру. В этом смысле особенно знаменательным становится чтение на балу у чеховской грешницы поэмы о грешнице А.К. Толстого» [\[7, с. 4\]](#).

Упоминание поэмы «Грешница» А.К. Толстого в ремарке позволяет Чехову выразить сложное авторское отношение к героине, сочетающее авторскую иронию с объективной иронией жизни. Хотя драматург сохраняет свою характерную объективную манеру, присущую эпическим произведениям, ирония становится важным элементом в создании образа героини. При этом важно отметить, что Чехов не сводит персонажа к одномерной характеристике – несмотря на ироническую окраску, образ Раневской сохраняет свою многогранность, включая и её искреннюю любовь к вишнёвому саду.

Однако интерпретация этого эпизода может быть расширена, если обратиться к исследованию Ю.В. Доманского. Ученый, проанализировав использование мотива чтения «Грешницы» в ранних рассказах («Либеральный душка» (1884), «Лишние люди» (1886), «Учитель словесности» (1889)), а также в контексте обращения Чехова к массовой культуре [\[4, с. 23-26\]](#), приходит к следующим выводам, связанных с обращением Чехова к массовой культуре: «отношение Чехова к поэзии А.К. Толстого является, мягко говоря, не очень серьезным: включение фрагмента незатейливого стихотворения в рекламный текст, преследующий цель повеселить читателя ради успешной подписной кампании; исполнение романа героем – а роман, как мы знаем, жанр массовой культуры; несколько фривольная цитата легкомысленной и не очень глубокой метафоры в письме к близкому человеку» [\[4, с. 24\]](#). Далее, «авторское отношение сводится, по сути, к одному – «синоним избитого номера» на любительских вечерах; своего рода штамп, порождающий иронию со стороны культурного человека» [\[4, с. 25\]](#).

И наконец, чтение «Грешницы» – «пошлый с точки зрения хорошего вкуса, в своем высоком «пафосе», комичный и, конечно, комический (вспомним жанровое определение «Вишневого сада»), а бал в усадьбе – не более чем жалкая карикатура на высший свет, характеризующая и хозяев, и гостей как, простите за вынужденную вульгаризацию, отживающих свое, смешных и никчемных людей» [\[4, с. 25\]](#).

Анализ приведённых цитат позволяет увидеть, что мотив чтения поэмы «Грешница» выполняет в пьесе двойную функцию. С одной стороны, он несёт авторскую иронию, направленную непосредственно на образ Любви Андреевны. С другой стороны, здесь проявляется комический контраст между высоким и низким, характеризующий не отдельного персонажа, а весь эпизод в целом, всех участников бала и придает

ощущение «веселья в камере смертников» [\[4, с. 27\]](#).

Чтение «Грешницы» можно рассматривать не только как символический «приговор» грехам Раневской, но и как элемент массовой культуры, чуждый аристократическое среде. Прерывание чтения персонажами не устраняет эту окраску, а, напротив, усиливает её, превращая сцену в своеобразный карнавал. В этом контексте все присутствующие предстают как «смертники», которые «смеются, когда нельзя» [\[8, с. 342\]](#).

Как и в III действии, момент признания греха сменяется музыкой, предваряющей бал и карнавальный смех. Это сцена напоминает поведение православного юродивого, о котором пишет С.С. Аверинцев: «весь сюжет поведения православного юродивого в том и состоит, что лишь по прискорбному заблуждению и греховному безумию, в меру помрачения нашего ума мы можем дерзнуть ему посмеяться. Мы смеемся, когда должны были бы вздыхать, плакать и трепетать» [\[8, с. 342\]](#).

Бал в «Вишнёвом саде» предстаёт как своеобразный мираж – карнавальное пространство, где персонажи временно забывают о прошлом и надвигающемся будущем. В этом временном вакууме переплетаются ностальгия по утраченному и тревога перед грядущим, образ вишнёвого сада и далёкого аукциона. Чехов создаёт в этом действии уникальную драматургическую ситуацию, где на фоне тревожного ожидания и последующей «трагической» развязки доминирует карнавальный смех. Это та ситуация, когда, по меткому замечанию Аверинцева, «не смеяться – сил никаких нет. Ситуация – не из простых; и она естественно порождает тоскующий взгляд в направлении того места, где смеяться заведомо можно и нужно – в направлении Запада» [\[8, с. 343\]](#).

Этот «тоскующий взгляд в направлении Запада», принадлежащий к Раневской, находит свое воплощение в образе Яши, который в III действии умоляет Раневскую взять его в Париж, а в IV действии с высокомерием заявляет о скором отъезде. Не случайно критики единодушно видят в Яше сниженную пародийную параллель самой Любви Андреевны.

Хотя чеховские персонажи всегда многогранны и не сводятся к однозначным трактовкам, в III действии, в контексте карнавального смеха, драматург явно тяготеет к более «чистой» комедийной форме, о чём свидетельствуют его собственные высказывания: «Минутами на меня находит сильнейшее желание написать для Худож. театра 4-актный водевиль или комедию. И я напишу, если ничто не помешает, только отдам в театр не раньше конца 1903 года» (О.Л. Книппер, 22 апреля 1901 г.) [\[3, с. 478\]](#); «Вышла у меня не драма, а комедия, местами даже фарс...» (М.П. Лилиной, 15 сентября 1903 г.) [\[3, с. 492\]](#).

Ремарка о чтении «Грешницы» в III действии «Вишневого сад» позволяет нам увидеть особое авторское присутствие, скрытое авторское ироническое отношение к героям, и связь смехового начала с жанровым определением пьесы комедии.

Таким образом, проведённый анализ позволяет утверждать, что, при создании драматических произведений Чехов стремляется к более объективному изображению персонажей, которые не видят общее сходство между собой, не хотят понимать друг друга, и не замечают несоответствие между своей иллюзией и настоящей жизнью, при этом он сохраняет субъективную манеру описания, свойственную ранним эпическим произведениям, – это выражение авторского иронического отношения к героям («Чайка», «Вишневы сад»). Кроме того, в «Дяде Ване» встречается и духовный катарсис персонажа, что позволяет понимать чеховское комическое не только как объективную иронию жизни, но и как возможность эмоционального возвышения и возрождения

персонажа.

Библиография

1. Чудаков А.П. Поэтика Чехова [Текст] / АН СССР. Ин-т мировой литературы им. А. М. Горького. – Москва: Наука, 1971. – 291 с.
2. Романенко С.М. Авторская позиция как структурообразующий элемент жанра комедии А.П. Чехова "Чайка" // Проблемы литературных жанров: Материалы IX междунар. науч. конф., посвящ. 120-летию со дня основания Том. гос. ун-та, 8-10 дек. 1998 г. / [Редкол.: А. С. Янушкевич (отв. ред.) и др.]. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 1999.
3. Чехов А.П. Полное собрание сочинений и писем: В 30 т. Сочинения: В 18 т. / АН СССР. Ин-т мировой лит. им. А. М. Горького. – М.: Наука, 1974–1982. Т. 13. Пьесы. 1895–1904. – М.: Наука, 1978. EDN: VNNSXB.
4. Доманский Ю.В. Чеховская ремарка: некоторые наблюдения: Монография. – М.: ГЦТМ им. А.А. Бахрушина, 2014. EDN: SCGJIL.
5. Катаев В.Б. Жанровая природа пьес // А.П. Чехов. Энциклопедия. – М., 2010.
6. Зингерман Б. Театр Чехова и его мировое значение. – М., 1988.
7. Ищук-Фадеева Н.И. "Вишневый сад" как документ культуры покаяния // Культура. – 1994. – 4 июня.
8. Аверинцев С.С. От мифа к литературе: Сборник в честь 75-летия Е. М. Мелетинского. – М., 1993.

Результаты процедуры рецензирования статьи

Рецензия выполнена специалистами [Национального Института Научного Рецензирования](#) по заказу ООО "НБ-Медиа".

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов можно ознакомиться [здесь](#).

Предметом исследования рецензируемой статьи является специфика комического в ремарках пьес А.П. Чехова, особенности авторской позиции драматурга и способы её выражения через ремарки. Автор работы исследует механизмы создания комического эффекта в произведениях А.П. Чехова, уделяя особое внимание роли ремарок в раскрытии характеров персонажей и авторской позиции. Методология исследования базируется на комплексном анализе драматургических произведений А.П. Чехова с привлечением работ известных литературоведов (А.П. Чудакова, С. М. Романенко, Ю.В. Доманского и др.). Автор использует методы сравнительного анализа, текстологического исследования, литературоведческого комментирования, интерпретации художественных образов.

Актуальность работы обусловлена тем, что творчество А.П. Чехова до сих пор вызывает живой научный интерес. Исследование особенностей комического в драматургии классика позволяет глубже понять эстетику его произведений и специфику авторского стиля.

Научная новизна заключается в детальном анализе роли ремарок в создании комического эффекта, выявлении особенностей авторской позиции А.П. Чехова и её трансформации в разные периоды творчества. Автор предлагает оригинальную трактовку известных пьес «Чайка», «Дядя Ваня», «Вишнёвый сад».

Стиль изложения научный, но при этом доступный для понимания даже неспециализированной аудиторией. Автор умело сочетает академичность с образностью языка, что делает текст живым и увлекательным.

Структура статьи логична и последовательна. Работа выстроена от общего

(рассмотрение авторской позиции А.П. Чехова) к частному (анализ конкретных ремарок в пьесах). Каждый раздел плавно перетекает в следующий, сохраняя единую нить повествования.

Содержание статьи богато аналитическим материалом. Автор подробно разбирает различные аспекты комического в пьесах А.П. Чехова, уделяя особое внимание особенностям авторской позиции, роли ремарок в создании комического эффекта, символике и подтексту произведений, взаимодействию комического и трагического начал.

Библиография состоит из 8 источников, представлена широким кругом авторитетных источников, включающих работы известных литературоведов и полное собрание сочинений А.П. Чехова.

Апелляция к оппонентам прослеживается через анализ и цитирование работ других исследователей творчества А.П. Чехова. Автор грамотно учитывает различные точки зрения и предлагает собственную интерпретацию.

Выводы статьи аргументированы и не вызывают особых сомнений. Автор убедительно доказал, что А.П. Чехов стремится к объективному изображению персонажей, ремарки играют ключевую роль в создании комического эффекта, комическое в пьесах А.П. Чехова тесно переплетается с трагическим.

Рецензируемая статья будет интересна широкому кругу читателей, в том числе литературоведам, студентам филологических факультетов, театральным критикам, всем, кто интересуется творчеством А.П. Чехова.

В целом статья представляет собой серьёзное научное исследование, выполненное на высоком профессиональном уровне. Работа вносит значимый вклад в изучение творчества А.П. Чехова и может быть рекомендована к публикации.